

В. Б. Меркурьева
Иркутский государственный университет

СОЗДАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Идентичность российских немцев базируется на принадлежности к определенной нации, культуре и владении своеобразным языком. Последняя этнокультурная составляющая — язык художественного дискурса писателей российских немцев — исследуется методами филологического и интерпретативного анализа. На материале художественного дискурса российских немцев — с момента его становления в 20-е гг. XX в. до настоящего времени — изучаются лингвистические признаки двуязычия. Основное внимание уделяется современному языку эссе в ФРГ, который ранее мало подвергался изучению лингвистов. Писатели — российские немцы всегда использовали возможности, проистекающие из способности говорить на двух языках, достигая за счет этого задуманного художественного эффекта. Русизмы становятся редкими, но продуманными маркерами в современном художественном дискурсе российских немцев, живущих в ФРГ. Их словотворчество характеризуется использованием элементов обоих языков — немецкого и русского.

Ключевые слова: идентичность; российские немцы; двуязычие; двументальность; бикультурность; русизм; словотворчество

1. Введение

Проявляющийся сегодня кризис самоидентификации является следствием распада мировой биполярной системы (ЕВСЕЕВА 2009: 3). Представители многих этнических групп и социальных сообществ, размышляющих о проблеме установления самоидентификации, испытывают потребность определить свою принадлежность к группам «свои» и «чужие».

Идентичность российских немцев имеет этнолингвокультурную составляющую, то есть базируется на наличии трех составляющих — принадлежности к определенной нации, культуре, а также владении определенным языком. В качестве сокращенного рабочего определения идентичности мы предлагаем следующее. Идентичность — это есть ответ на вопрос: «кто я такой?».

Приехавшие в XVIII в. из Германии в Россию немцы, как известно, считали себя таковыми еще много десятилетий. Дол-

гие годы жизни в России, постепенная ассимиляция этнических немцев привели к созданию нового молодого этноса, именуемого «русские», а позже — «советские немцы». По прошествии многих лет значительное количество русских немцев полностью утратило немецкий язык, они стали писать (в том числе поэты и писатели) на русском языке.

В XX в. происходит процесс переселения русских немцев в Германию. Там они начинают осознавать себя настоящими немцами, однако часть из них интегрируется с большим трудом в немецкое общество и продолжает называть себя русскими немцами, некоторые же не задумываются «ни о собственной национальной принадлежности, ни о сохранении национальной идентичности русских немцев» (ВЕРЕВКИНА 2013).

В. В. Веревкина считает, что осознание себя русскими немцами происходит в районах их компактного проживания. В районах же их дисперсного проживания «большая часть респондентов относит себя либо к русской, либо к немецкой нации» (Там же).

Важно отметить, что русские немцы переехали в Россию еще до того, как Германия стала единым государством.

«Их предки переселялись как гессенцы, пруссаки, саксонцы, лотарингцы и баварцы, а не как немцы, и уже в России они слились в единую общность, точнее их выковала в одну общность история, и, в первую очередь, депортация» (Там же).

В настоящее время разработано большое количество типов идентичности, которые подробно описывает М. С. Савоскул (САВОСКУЛ 2006). Вслед за автором остановимся на классификации, достаточно убедительной с нашей точки зрения. Первую группу образуют ранние переселенцы, отлично владеющие немецким языком. Они считают себя настоящими немцами. Вторая группа — это группа поздних переселенцев, считающих себя русскими немцами, они осознают свою принадлежность двум культурам одновременно. Третья группа — поздние переселенцы, испытывающие кризис самоидентификации. Представители этой группы слабо знают немецкий язык или их жизненные установки отличаются от жизни в Германии, что приводит зачастую к социальной изоляции (Там же).

О. Брейнингер, приводит точку зрения З. Баумана, считающего, что об идентичности задумываются, когда не знают,

куда отнести себя (БРЕЙНИНГЕР 2014). Д. А. Салимова выделяет три фактора, которые влияют на определение идентичности российских немцев — это возраст, образование и материальное положение (оно обеспечивает возможность выехать на историческую родину) (САЛИМОВА 2017: 165).

Идентичность российских немцев в художественном дискурсе создает повествователь — российский немец. Уже сама публикация в сборнике российских немцев косвенным образом свидетельствует о самоидентификации авторов в этом качестве даже при возможной эксплицитной и имплицитной дистанцированности от данного понятия. Отлично владеющие немецким языком немцы, родившиеся в России или Советском Союзе, стремящиеся искоренить свою двуязычность, практически всегда сохраняют двументальность и проявляют бикультурность. В связи с этим приведем образное высказывание народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова. Его цитирует А. В. Фитц, который был свидетелем выступления калмыцкого оратора в марте 1991 г. в Москве на первом съезде немцев СССР: «Вы другие немцы! — сказал он. — Не могла вам Волга в вашу колыбель то же самое нашептывать, что нашептывал немцам Рейн» (ФИТЦ 2011).

Задача данной статьи состоит в выявлении и анализе лингвистических маркеров двуязычия на материале немецкого художественного дискурса разных лет.

2. Материал и методы исследования

При исследовании художественного дискурса российских немцев изучались тексты начала XX в. в России, расцвета этого творчества — середины и конца XX в. в СССР, а также начала XXI в. в ФРГ. При этом применялись методы филологического и интерпретативного анализа, базирующиеся на частных методах — компонентного, дистрибутивного, композиционного, контекстологического и функционального анализа.

3. Результаты исследования

3.1. Начало творчества писателей российских немцев

Художественное творчество российских немцев как билингвов началось с макаронических (смешанных) песен. Их изучали В. М. Жирмунский, Н. Д. Светозарова, Л. Н. Пузейкина, Э. Йон. В статье *Борьба языков в макаронических песнях петербургских колонистов* (МЕРКУРЬЕВА 2015: 238-244), посвященной заявленной проблематике, мы исследуем два варианта песни *Sommerzeit* 1927 и

1929 г., делая при этом акцент на языковом доминировании. Сначала немецкий язык демонстрирует свою языковую доминанту. Даже в написанных кириллицей русских словах глухие смычные согласные заменяются на звонкие: 1) *тезнада* вместо «теснота», *бразадник* вместо «праздник», *кубеческий* вместо «купеческий» и др.; 2) слабые звонкие согласные заменяются на сильные глухие: *лавошник* вместо «лавочник», *назат* вместо «назад» и др.; 3) обе тенденции проявляются одновременно в одном словосочетании: *а денек даж* вместо «а денег дашь» и др. (МЕРКУРЬЕВА 2015: 244).

Кроме примеров, которые проявляются на орфоэпофонетическом уровне, в статье приводятся примеры орфографического и грамматического уровней. Они также свидетельствуют о доминировании немецкого языка.

В песне 1929 г. происходят следующие изменения: появляется все больше русизмов, которые вплетаются неумело, как это делают обычно иностранцы. Постепенно немецкий «акцент» ослабевает, русские вкрапления приближаются к нормам русского языка.

Кроме того, мы обнаружили, что уже в варианте песни издания 1929 г. начинается осознанный эксперимент не только с каждым языком в отдельности, но и с двумя языками вместе. В качестве примера приведем игру слов, возникающую вследствие корреляции первой строчки третьего куплета: *Von dort geht es dem graden Strich* и последней строчки четвертого куплета: *А дома лучший град* (МЕРКУРЬЕВА 2015: 242). В немецком прилагательном *gerade* редуцируется звук /e/, а в русском существительном *город* редуцируется звук /o/ и используется лексема *град* с возвышенным оттенком.

«Таким образом, макароническая песня представляет собой платформу, на которой можно «играть» сразу двумя языками, помогая тем самым достижению самоидентификации российских немцев, которые начинают владеть обеими языковыми разновидностями и извлекают из этого «выгоду», развивая свои творческие возможности» (Там же: 242).

3.2. Художественное творчество писателей российских немцев в СССР

Реальный языковой узус российских немцев долгое время (вплоть до сороковых годов XX в.) оставался монолингвальным. Это обстоятельство находит отображение в рассказе Н. Коско

Die schenste Sproch uf dr ganza Welt... Бабушка со всеми персонажами говорит на швабском диалекте российских немцев: «Ich biet' de Leit die Zeit, wie mir dr Schnawl gwachsa isch, und wer mich net versteha tut, dem kann mr ewet net me helfa!» (KOSSKO 1977: 165). Тот, кто ее не понимает, тому «помочь нельзя», считает пожилая женщина. Созданный языковой портрет помогает характеризовать самодостаточный образ бабушки главной героини. Заметим, речевой портрет, как и этот персонаж, не остается неизменным на протяжении всего рассказа.

Постепенно в условиях языкового острова с иноязычным (русским) окружением у русских немцев начинает формироваться билингвизм. В годы проживания российских немцев в царской России, СССР и вновь в России экспансия русизмов в их немецкий язык оказывается неотвратимой, стихийной: русские имена, реалии, заимствования, кальки из русского, изменения под влиянием русского проникают в семантику и грамматику. Продемонстрируем это на некоторых примерах. Aber mir gelang es doch, *Samen des Zweifelns auf ihre Seele zu werfen* (Там же: 165). (В русском: «заронить семя сомнения в душу»). В классическом немецком в данном контексте был бы использован глагол streuen.

В. Хайнц начинает свой рассказ *Eine altmodische Geschichte* достаточно необычно: Es tut unheimlich weh, wenn man *dem eigenen Lied auf die Kehle treten muss* (HEINZ 1977: 123).

Смысл кальки из русского, означающей «наступить на горло собственной песне» опрашиваемые немецкие респонденты не понимали и воспринимали фразу как брутальную. Далее в тексте данная метафора обыгрывается, а глагол treten употреблен в прямом (буквальном) смысле:

Aber nicht *meinem Lied habe ich auf die Kehle getreten*, sondern meinem Kunstwerk, meiner vielversprechender Plastik (Там же).

То есть вновь наблюдается игра разными языковыми регистрами, при этом русификация выражается на семантическом уровне. Русифицированный немецкий язык становится проявлением идентичности российских немцев.

Кроме русского языка российские немцы контактировали со многими языками бывшего Советского Союза: казахским, татарским, украинским, узбекским, эстонским и т. д. Не только билингвизм, но и трилингвизм, а по сути полилингвизм характерен

для большинства российских немцев (МЕРКУРЬЕВА 2011: 108-121).

Данное обстоятельство находит отображение и в художественном дискурсе. Эта би- и полилингвальная специфика своего языка всегда культивировалась писателями — российскими немцами. Метакоммуникация об особенностях родного языка пронизывает буквально все их художественные тексты.

Так, Г. Бельгер посвящает несколько страниц своего рассказа *Drunten im Tale* казахскому слову *El*, приводит его многочисленные значения, примеры употребления казахами в разных ситуациях. Данный лингвистический экскурс готовит читателя к восприятию этой казахской лексемы в немецком контексте.

El... El... Ja doch, aber wo ist er den, mein El? Welchen Ort, welchen Winkel unserer Erde kann ich gleich nuken und vielen meiner Altersgenossen mit diesem Wort — mein "El" — bezeichnen? Vielleicht jene Stadt an der Wolga, wo ich das Licht der Welt erblickte? (...)

Oder sollte man etwa das Dorf Mannheim im Kanton Gnadenflur an der Wolga, das Heimatdorf meiner Eltern für meinen El halten? (BELGER 1996: 16-17).

Как читается из контекста, казахское *El* близко по смыслу слову *Heimat*, поскольку российские немцы живут в описываемой ситуации в Казахстане и воспринимают мир через призму уже другой реальности, ставшей им настолько «своей», что возможна дефиниция такого понятия как *родина* при помощи казахского слова.

3.3. Художественный дискурс российских немцев в ФРГ

У переехавших в ФРГ российских немцев видоизменяется реальный языковой узус. Престижным становится безукоризненное владение современным немецким языком. Мелита Л. Рот констатирует это в своем эссе *Heimatblase oder Die verlorenen Wörter*.

Эссе начинается с включением в его ткань русизма *пузыри*, который даже не адаптирован в немецком языке и записан кириллицей.

Wenn es stark regnet, und sich in den Pfützen kleine Wasserblasen bilden, taucht in mir immer das Wort пузыри auf. Früher in Russland, hat meine Mutter gesagt, wenn die Tropfen in den Pfützen so hochspringen, wird es noch lange, lange regnen. Längst lebe ich in einem anderen Land, längst ist Deutsch die Sprache geworden, in der ich denke, träume und flüstere. Dennoch kommt mir dieses Wort in den Sinn, wenn es wie aus Kübeln regnet, auch in der Stadt, die jetzt

meine Heimat ist (ROTH 2019: 45).

В тексте есть сноска: *pusyri (russ.) Blasen*.

Автор предпочитает не латиницей, а кириллицей написанное слово, тем самым еще больше увеличивается контраст иноязычного (русского) слова в немецком контексте, подчеркивается его необычность. Слово представляет собой метафору, отсутствующую в немецком контексте. Но автор употребляет и немецкое идиоматическое выражение *es wie aus Kübeln regnen*, характеризующее ситуацию проливного дождя, но как бы с другого ракурса. Немаловажным является уточнение, что метафору *пузыри* употребляла когда-то мама повествующего автора. Сохранение индивидуального двуязычия обусловлено в данном случае близкими родственными отношениями и эмоциями, связанными с ними.

Один из абзацев посвящен в эссе осознанной последовательной борьбе с русификацией собственного языка.

Heimat sollte Deutschland sein. Niemals Russland. Zu Hause blieb für das Russische kein Platz. “Wer ist hier russifiziert, wir doch nicht?” Russifiziert — das klingt nach einem schlimmen Bazillus. Und Verdrängung schien damals die beste Medizin zu sein (Там же: 48).

Автор осознает, что искусственное отречение от родины (России) оказалось недейственным.

Das Gewesene einfach über Bord werfen. Einen Schnitt machen. Sich neu erfinden. Klingt einfach, Ist es aber nicht. Und vor allem erfordert absolute Anpassung einen hohen Preis. Ein Stück von dir geht für immer verloren, wenn du die Heimat verlässt. Aber wie viel geht verloren, wenn du sie über Jahre verleugnest? (Там же: 48-49).

С годами приходит осознание того, что и вытеснение русского из обихода приводит к большим потерям (*Aber wie viel geht verloren*), то есть сохранения двуязычия — это большое преимущество российских немцев, это дает возможность видеть вещи в двойном измерении. Об этом пишет Рот с позиций, интересных лингвисту. Она и рассуждает подобно лингвисту:

Durch die Menschen, aber auch durch die Sprache habe ich mich mit dem neuen Land verbunden. Habe neue Denkmuster übernommen, auch wenn sie manchmal auf ihre Grenzen stoßen. Es gibt immer noch Worte, die mir nicht einfallen wollen im Deutschen und solche, die für mich unübersetzbar sind. Es gibt Muster aus der anderen Sprache, die ich hartnäckig reproduziere. Jedes Mal will ich “*wir mit*

Inge” sagen, wenn ich “Inge und ich” meine (Там же: 49).

Невозможность найти немецкий эквивалент, наличие «непереводимых» слов и неспособность искоренить особенности своего языка, которые в Германии воспринимаются как ошибки, вызывает у повествователя некоторое раздражение самой собой. Она называет когда-то почти родной русский язык (*andere Sprache*) «другим языком». Тем не менее в данном эссе эти особенности сформулированы как идентификационные признаки языка и языкового поведения российских немцев.

Через годы русский язык, несмотря на попытки его искоренения, «прорывается» и в современную жизнь повествователя. Без него невозможна самоидентификация автора-повествователя и сегодня. Девушка, рожденная в Омске, не может забыть сибирские реалии, связанные со снегом.

Zum Glück lebe ich in einer Stadt, in der es viel und lange regnen kann. Der sibirische Winter mit seinem Schnee wird wohl immer eine schmerzende Leerstelle in meiner Seele hinterlassen. Schade, denn Worte wie *иней* (*inej*), *сугробы* (*sugroby*), *снежинка* (*sneschinka*) oder *метель* (*metel*) wollen so gar nicht in die Stadt passen, in der ich lebe und die meine Heimat geworden ist (Там же: 50).

В ссылке даны немецкие соответствия русских слов: Schneereif, hohe Schneeverwehungen, in die man tief sinken kann, Schneeflocke und Schneesturm (Там же).

В этом абзаце объединены противоречивые мысли. С одной стороны, — это болезненная пустота в душе, которые оставляют эти слова (*eine schmerzende Leerstelle in meiner Seele*), с другой, — эти же слова вообще не хотят вписываться в город (*wollen so gar nicht in die Stadt passen*). Слова персонифицируются — «вообще не хотят вписываться». Повествователь создает в художественном дискурсе двойной смысл: (1) русские слова не хотят вписываться в город, так как они здесь неуместны, потому что город немецкий, (2) здесь не бывает снега, а все время идет дождь (оценка автора — *zum Glück*), поэтому эти слова и не возникают в памяти. Эта борьба с осознанным искоренением русских слов, русизмов; при этом наблюдается осознание потерь, которые болезненны в связи с потерей части идентичности.

Таким образом, начало и конец эссе содержат русизмы, благодаря которым происходит его закольцованность. С одной стороны, русизмы являются помехой в процессе интеграции россий-

ских немцев в немецкое языковое сообщество, с другой, — они пока неискоренимы, поскольку связаны с памятью о реальных событиях, эмоциональной и языковой памятью, и обогащают язык.

Нелли Коско, 1937 г. рождения, переехавшая еще в 1975 г. в ФРГ, пишет в своем эссе *Heimat ist ein Gefühl der Geborgenheit... Doch was ist eine ZwischenHeimat?* о том, что у нее нет лишь *одной* родины, она выделяет в предложении данное числительное EINE графически — прописными буквами:

Ich würde ohne die Mehrzahl “*HeimatEN*” gar nicht zurechtkommen können angesichts der unzähligen Stationen meines Lebens, Das soll jedoch auf keinen Fall heißen, dass ich ihn, diesen komischen, grammatisch ungeheuren Plural ohne Weiteres akzeptiere — bei näherer Betrachtung empfinde ich sogar heftigen Schmerz bei dem Gedanken, dass es für mich die EINE nicht gibt. Nicht geben kann, ja nicht geben durfte (KOSSKO 2019: 22).

Осознание этого обстоятельства, а именно: невозможности иметь одну родину, доставляет автору боль, о чем она эксплицитно заявляет. Изолированное (последнее) предложение подчеркивает вследствие этого осознанного отпочкования от предыдущего предложения, что у нее и не может быть, и не могло бы быть (не разрешено, запрещено) лишь одной родины. Коско заостряет внимание на множественном числе слова *HeimatEN*, выделяет графически окончание множественного числа и вербально характеризует его как *komischen, grammatisch ungeheuren Plural* (странное грамматически неслыханное множественное число). Сам окказионализм *ZwischenHeimat* имеет форму единственного числа, как и положено по законам немецкой грамматики.

Это вынужденная принадлежность двум родинам (культурам) находит подтверждение чуть позже. *Die Hoffnung stirbt zuletzt, besagt ein russisches Sprichwort, und es stimmt doch* (Там же: 23). Русская поговорка цитируется автором в переводе на немецкий язык для подтверждения своей мысли (о сохранении до конца надежды), именно она была усвоена в годы молодости на языке социализации в обществе повествователя.

Рассуждая о родине, автор образует еще несколько неологизмов.

Die Heimat. Nicht die ZwischenHeimaten... Gäbe es eine Zwischen-Heimat, so müsste es logischerweise auch eine Anfangs-und eine EndHeimat geben (Там же: 25).

Высказав предположение о необходимости новых слов и останавливаясь на единственном числе слова *ZwischenHeimat*, автор допускает возможность создания новых сложных слов *AnfangsHeimat* и *EndHeimat*, чтобы описать необычную в своем роде судьбу российских немцев. Автор сразу употребляет одно из них (*EndHeimat*) по отношению к себе, и слово это вписано в контекст, созданный лексемами с положительной семантикой.

Ich habe mich im Ruhestand in Meckenheim, einem grünen, urgemütlichen Städtchen, fernab jeglichen urbanen Ehrgeizes in der Nähe von Bonn niedergelassen, Hier stimmt alles — die Luft, die Natur, das Flair und die Menschen. Die vor allen Dingen. Vermutlich meine EndHeimat (Там же).

Во всех новообразованных словах присутствует необычное правописание, а именно: заглавная буква компонента *Heimat* в середине сложного слова. Все эти способы вкуче — окказионализмы, графические средства экспрессивности, метакоммуникация о новом слове подчеркивают значимость слова *Heimat*, которое и в середине сложного слова продолжает писаться с большой буквы.

4. Выводы

Уже на ранних этапах становления художественной коммуникации российских немцев в их творчестве проявляются преференции, проистекающие из билингвизма. В середине XX в. мастерство писателей — российских немцев оттачивается, «игра» на различных языковых регистрах обогащает их художественный дискурс, отличающийся ярко выраженной креативностью.

В круг тем, поднимаемых российскими немцами, переехавшими в Германию, входят понятие родины, вопросы интеграции, воспоминания, метакоммуникация и т. д. Процесс интеграции в Германии оказывается болезненным. В Германии без русизмов немислима самоидентификация российских немцев и сегодня. Попытка самоидентификации только при помощи немецкого языка терпит фиаско. Поиск новых слов (неологизмов, окказионализмов) отображает необычную судьбу российских немцев и свидетельствует о поиске их новой идентичности.

Для художественного дискурса (на примере эссе) российских немцев, переехавших в ФРГ, характерно редкое калькирование, русизмы становятся не повсеместными, а особо продуманными признаками их идентификации. Немецким авторам с русскими корнями свойственно словотворчество.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Брейнингер О. Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 339—364. [Brejninger, Olga. (2014) *Modeli samoidentifikatsii i literatura rossiyskoy diaspory v sovremennoy Germanii* (Models of Self-identification and Literature of the Russian Diaspora in Modern Germany). *Novoye literaturnoye obozreniye* (New Literary Review), 3, 339—364.
- Вревкина В. В. Об этнической идентичности российских немцев. 2013 (Электронный ресурс). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287>. (Дата обращения: 29.07.2020). [Vrevkina, Valentina V. (2013) *Ob etnicheskoy identichnosti rossiyskikh nemtsev* (About the Ethnic Identity of Russian Germans). Retrieved from <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287>. (In Russian)].
- Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2009. [Yevseyeva, Larisa N. (2009) *Rol' yazyka v formirovaniy natsional'noy identichnosti* (The Role of Language in the Formation of National Identity). Extended abstract of PhD thesis in philosophy. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russian)].
- Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг — Эрланген). Демоскоп. 2006. № 243-244 (Электронный ресурс). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>. (Дата обращения: 29.07.2020). [Savoskul, Mariya S. (2006) *Rossiyskiye nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoy samoidentifikatsii (po itogam issledovaniya rossiyskikh nemtsev v regione Nurnberg — Erlangen)* (Russian Germans in Germany: Integration and Types of Ethnic Self-Identification: based on the Results of a Study of Russian Germans in the Nuremberg-Erlangen Region). Retrieved from <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>. (In Russian)].
- Салимова Д. А. Язык и культура русских российских немцев как многовекторная тема в этнолингвистике // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики / под ред. В. М. Панфиловой. Казань: КФУ, 2017. С. 164—167. [Salimova, Daniya A. (2017) *Yazyk i kul'tura russkikh rossiyskikh nemtsev kak mnogovektornaya tema v etnolingvistike* (The Language and Culture of Russian Germans as a Multi-vector Topic in Ethnolinguistics). In Panfilova, V. M. (ed.) *Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki* (Modern Problems of Philology and Methods of Teaching Languages: Issues of Theory

- and Practice). Kazan: Kazan Federal University, 164—167. (In Russian)].
- Меркурьева В. Б. Полилингвизм в художественных произведениях авторов — российских немцев // *Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: сб. материалов / отв. ред. В. А. Дятлова*. Красноярск: Краснояр. гос. пед ун-т им. В. П. Астафьева, 2011. С. 108—121. [Merkuryeva, Vera B. (2011) Polilingvizm v khudozhestvennykh proizvedeniyakh avtorov — rossiyskikh nemtsev (Polylinguism in the literary works of the authors — Russian Germans). In Dyatlova, V. A. (ed.) *Nemetskiye dialekty v Rossii: proshloye, nastoyashheye i budushheye otechestvennoy ostrovnoy dialektologii* (German Dialects in Russia: Past, Present and Future of Domestic Insular Dialectology). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 108—121. (In Russian)].
- Меркурьева В. Б. Борьба языков в макаронических песнях петербургских колонистов // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*. 2015. № 1. С. 238—244. [Merkuryeva, Vera B. (2015) Bor'ba yazykov v makaronicheskikh pesnyakh peterburgskikh kolonistov (The Struggle of Languages in the Macaronic Songs of the Petersburg Colonists). *Yearbook of the International Association of Researchers of the Russian Germans' History and Culture*, 1, 238—244. (In Russian)].
- Фитц А. В. Утро в раю (очерки нашей жизни). О литературе российских немцев. 2011 (Электронный ресурс). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/fitc-aleksandr/utro-v-rayu-ocherki-nashej-zhizni/9>. (Дата обращения 28.07.2020). [Fits, Aleksandr V. (2011) *Utro v rayu (ocherki nashey zhizni). O literature rossiyskikh nemtsev* (Morning in Paradise (Essays on Our Life). About the literature of Russian Germans). Retrieved from <https://public.wikireading.ru/44802>. (In Russian)].
- Belger, Herold. (1996) *Drunten im Tale. Erzählungen aus dem Zyklus "Damentals"*. Moscow: Gotika.
- Heinz, Victor. (1997) Eine altmodische Geschichte. In *Wir selbst. Russland-deutsche Literaturblätter*. Stuttgart.
- Kosko, Nelli. (1997) Die schenste Sproch uf dr ganza Welt... *Wir selbst. Russlanddeutsche Literaturblätter*. Stuttgart.
- Kosko, Nelli. (2019) Heimat ist ein Gefühl der Geborgenheit. *Zwischen-Heimaten. Literaturblätter der Deutschen aus Russland*. Herford.
- Roth, Melitta L. (2019) Heimatblase oder Die verlorenen Wörter. *Zwischen-Heimaten. Literaturblätter der Deutschen aus Russland*. Herford.

Vera B. Merkuryeva
Irkutsk State University

Creating the Identity of the Russian Germans in Literary Discourse

The identity of the Russian Germans is based on belonging to a certain nation, culture and possession of a peculiar language. The last ethno-cultural component — the language of the artistic discourse of the Russian-German writers is studied by methods of philological and interpretive analysis. Based on the material of the artistic discourse of Russian Germans — from the moment of its formation in the 20s of the 20th century to the present time — the linguistic signs of bilingualism are studied. The main focus is on the modern essay language in Germany, which was previously little studied by linguists. Russian German writers have always used the opportunities that arise from the ability to speak two languages, achieving the intended artistic effect due to this. Russisms are becoming rare, but well-thought-out markers in the contemporary artistic discourse of Russian Germans living in Germany. Their word coining is characterized by the use of elements of both languages — German and Russian.

Keywords: identity; Russian Germans; bilingualism; double mentality; biculturalism; russism; word coining